

Как только появился на свете первый поэт – грек то был или скиф, сейчас не так важно – тут же понадобился переводчик. «Что он говорит? О чём поёт?» – дёргали толмача за рукав соплеменники, и тот им переводил, как мог. Если плохо понимал или не мог подобрать нужного слова в родном языке, тогда молот отсебятину. У некоторых это получалось даже красиво, и тогда переводимый поэт на чужбине становился более любимым и известным, чем у себя на родине. С тех пор пересохла не одна река на земле, и даже Аральское море почти испарилось, а потребность в литературных толмачах осталась.

В Татарстане, в двуязычной республике, всегда много переводили и переводят поэтов и прозаиков, как с русского на татарский, так и с татарского на русский. Не все переводы хороши. Но это ведь вам не пельмени! Хотя наш всё пробуемый на зуб Вася нашёл между переводами и пельменями нечто общее: «Надобно сначала произведение надкусить, – сказал он, – чтобы понять, что ж там внутри, а уж после либо выплюнуть, либо продолжать жевать!» Мы последуем его примеру...

В поддержку самого себя

Нынче многие на Васю обиделись. Говорят, грязью некоторых казанских авторов облил и за псевдонимом, как за забором, спрятался. Кого на кол сажать – непонятно! Ну что вам сказать, уважаемые? Конечно, меня в природе как физического тела не существует, я – дух, рождённый редакцией! Одними мужиками, между прочим, рождённый. И им это не впервой. Мало ли литературных героев приходилось являть на свет божий за долгие годы творчества: как вымышленных, так и собирательных. Редакция любит меня, балует и прощает шалости, вроде колкостей в адрес некоторых казанских поэтов и прозаиков. Это же критика, а она не бывает хвалебной. В том-то и соль!

К тому же, если вы обратите свой взгляд в прошлое, как русской, так и татарской литературы, то обязательно отыщите моих дальних родственников. Козьму Пруткову, например. Это уж потом стало известно, кто за ним стоит, а тогда думали, гадали и уж кол, было, подыскали... Кукрыниксы – вот тоже, хотя и из другого

жанра. А в Казани по сию пору в журнале «Чаян» проживает мой давний ипташ*-бабай – 90-летний Шомбай. Поэтому не ищите меня, тем более что проблема-то не во мне вовсе! Такой вот Вася, между прочим, должен сидеть в каждом творце и время от времени задавать прямой вопрос: «Зачем бумагу мараешь?»

Но в подавляющем большинстве, конечно, не несколько человек за одним псевдонимом, а наоборот – за псевдонимом или псевдонимами, или множеством псевдонимов стоит один совершенно материальный автор. Скажем пятью десятками псевдонимами подписывался Антон Павлович Чехов. Такие вот противоположности.

Вообще, псевдоним – это интересная вещь. Историческая. Псевдоним не отъемлем в литературе, если не считать некоторых периодов совдепа в нашей стране. Я люблю псевдонимы. Некоторым просто завидую, а некоторыми восхищаюсь, повторяю вслух и думаю: надо же до такого додуматься! У Чехова, на мой взгляд, самый интересный псевдоним это – «Шиллер Шекспирович Гёте». Каково, а! У нас же, помню, была – «Лилия Луч». Красиво, правда же! Просто Луч света в тёмном царстве! Такой псевдоним избрала себе вначале литкарьереры героиня одного из наших фельетонов, когда ещё не была «княжной» и «третьей поэтессой с фамилией татарской». Потом, оглядевшись, подумала: нет, татарке в Татарстане Луч не светит и, к моему сожалению, отказалась от такого прекрасного, наполненного лучезарного смысла псевдонима – стала подписываться фамилией, соответствующей титульной нации республики.

Но я, кажется, немного отвлекся...

Хвала советским переводчикам

Вспомним книжки нашего детства: «Остров сокровищ», «Три мушкетёра», «Граф Монте Кристо», «Робинзон Крузо»... Когда мы их читали, даже ведь мысли не возникало, что это переводная литература, настолько хорош и естествен был язык! Все эти произведения написаны и переведены несложным языком, так сказать, без зауми. Гораздо труднее переводчику пришлось с головоломкой из сложнейших ассоциаций и своеобразного английского юмора «Алисы в Стране Чудес». Но настоящим чудом можно назвать появление на русском «Улисса» Джеймса Джойса! Перевести поток английского сознания, притом ирландского автора, не разорвав сети сложнейших образов, не заглушив импульсов не родившихся мыслей в мозгу героя... – это серьёзное испытание для советской школы переводчиков. И она его выдержала.

В советские времена, и это надо безоговорочно признать, национальных поэтов и прозаиков многочисленных народов, населявших просторы нашей бескрайней страны, переводили так много и так профессионально, что вряд ли это когда ещё повторится! С тех пор уровень только падает. Потому что нет больше переводческой школы, нет кадров, а их место заняли любители, которые пользуются тем, что доверчивый автор чаще всего владеет русским только на бытовом уровне и оценить по достоинству перевод не может. Ему приятен сам факт публикации. А Васюк, чтоб глаза раскрыл, к каждому не приставишь!

Особенно много в СССР переводили на русский Тукая. В 1946 году поэму-сказку «Шурале» перевёл Сергей Липкин, и до сих пор его труд считается непревзойдённым. Строчки так и льются, ты не спотыкаешься о чужеродные слова, влезшие ради рифмы, не стучаешься об углы косноязычия и тут же переносишься в сказочную татарскую деревню:

* Ипташ (тат.) – товарищ.

Есть аул вблизи Казани, по названию Кырлай.
 Даже куры в том Кырлае петь умеют... Дивный край!
 Хоть я родом не оттуда, но любовь к нему хранил,
 На земле его работал – сеял, жал и боронил.
 Он слывёт большим аулом? Нет, напротив, невелик,
 А река, народа гордость, – просто маленький родник.
 Эта сторона лесная вечно в памяти жива.
 Бархатистым одеялом расстилается трава.
 Там ни холода, ни зноя никогда не знал народ:
 В свой черёд подует ветер, в свой черёд и дождь пойдёт...

Секрет в том, что Семён Израилевич Липкин в качестве поэта-переводчика вырос на таких прекрасных примерах, как «Мойдодыр», «Тараканище», «Муха-Цокатуха» Корнея Чуковского, «Кошкин дом», «Сказка про глупого мышонка» Самуила Маршака и т. д. Отсюда лёгкость, уверенность, точность... А у Тукая такого большого «сундука» с детскими стихами своих предшественников не было. «Сказку о золотой рыбке» Пушкина он залистал до дыр, но этого явно было недостаточно. Над ним ещё тяготел неповоротливый восточный баит. Хотя именно Тукай «облегчил» татарскую поэзию и стал основоположником современного татарского языка.

Профессор Хатип Миннегулов в своей статье «Тукай на языке Пушкина» пишет: «Несмотря на большие успехи в доведении наследия Тукая до русскоязычной публики, в этой области существует и ряд проблем, спорных моментов и недостатков. Во-первых, не все достойные перевода сочинения поэта получили звучание на русском языке. Во-вторых, в отдельных русскоязычных текстах имеются сокращения, пропуски оригинала, недопонимание или неверное восприятие подлинника. В-третьих, многие переводчики, не зная татарского языка, действовали исключительно на основе подстрочников. Как правило, при таком подходе почти невозможно отразить все тонкости, нюансы, оттенки поэтического языка оригинала».

Разбирая два перевода стихотворения «Родной язык» С. Липкина и Р. Бухараева Х. Миннегулов даёт им такую оценку:

«Оба текста звучат великолепно, изящно, они и по содержанию, и по форме близки к оригиналу:

**О язык мой, как сердечно я молился в первый раз:
 «Боже, – я шептал, – помилуй мать, отца, помилуй нас».**

Слово «помилуй» в лексическом плане точно передаёт значение глагола «ярлыкагыл». Но для мусульманских русскоязычных читателей (среди них есть и много татар) оно ассоциируется с христианским «господи, помилуй». Поэтому, на мой взгляд, в этом плане перевод С. Липкина звучит более удачно, приемлемо».

Одно неверное слово, как неточный выстрел биатлониста, и ты вылетаешь с первых позиций!

«Хитрости» переводчика

Пастернак, когда ему давали на перевод грузинских классиков, просил магнитофонную запись с голосом поэта, если таковая имелась. Если же нет, то долго входил в транс, слушая песни виноделов Кахетии, которые они пели, давля сладкую лозу. Он вживался! Грузинские друзья привозили ему гостинцы – киндзмараули в ореховом бочонке, влажный сулугуни в пергаменте... Всё это помогало поэту поймать энергетическую волну ментальности, влезть в «бурку» грузинского поэта

и переложить его песню на русский. Он даже выписал в блокнот те слова русского языка, которые бы «смаживали» на грузинские. Например, «кутили». Борис Леонидович говорил, что есть в нём что-то от кутежей местных князей с расписанных клеёнок Пиросмани, от фамилий с грузинским окончанием «швили», а ещё в этом слове затаилось название города Кутаиси, где учился Маяковский.

Рустем Кутуй хоть и не говорил в повседневной жизни по-татарски, но очень тонко чувствовал язык своих предков. Запомнилось, как он размышлял над словом «таябыз» (скользим, уходим, исчезаем): «Слышишь, в нём есть и русское «таять» и татарское «боз», то есть лёд. Получается, мы не просто уходим, мы – таем, как стеклянная кромка над бегущим ручьём».

Чувствовать такие нюансы не каждому дано. Только поэту от природы. Но, чтобы быть переводчиком, и этого мало! Рустем Адельшевич, когда брался за какого-нибудь современного татарского поэта, то через две строчки уже забывал о его существовании и творил нечто своё. Конечно, те роптали, бывало!

На ринге два перевода

Недавно в журнале «Казань» наткнулся на перевод одного стихотворения Бёрнса «Джон Ячменное Зерно», сделанного Геннадием Капрановым. Уже к тому времени вышла зелёная книжца стихов ирландского поэта в переводах Маршака, а Геннадий решается сделать собственную версию. Для чего? Может, он был недоволен работой Самуила Яковлевича? Наверяд ли, сопоставление двух версий не выявит явных разногласий. По сути, это одна и та же песня, только исполненная разными голосами. Думаю, для Капранова этот перевод был своего рода упражнением (он серьёзно изучал английский и читал Бёрнса в оригинале) и творческим упрямством: а у кого лучше? Давайте, поглядим...

У Геннадия Капранова:

**Три короля в краю чужом
давным-давным-давно
решили: пусть погибает Джон
Ячменное Зерно!**

У Самуила Маршака:

**Трёх королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.**

Маршака Гена не переплюнул. Это его искусственное «давным-давным-давно» вставлено явно для рифмы и ритма, строчка провисла бы, если бы было просто «давным-давно». Идём дальше...

У Капранова:

**Но, вешним громом пробуждён,
врагам своим назло
встал из земли зелёный Джон
Ячменное Зерно!**

У Маршака:

**Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.**

На первый взгляд вроде бы в двух этих примерах нет большой разницы. Они смотрятся как два варианта, сделанные одним и тем же переводчиком. Но если вчитаться, то станет видно, что у Капранова Джон встаёт из земли разбуженный громом, а у Маршака как бы прорастает вместе с травой, ведь он – «Ячменное Зерно», что, конечно же, лучше. Но и на старуху бывает проруха:

У Маршака:

**Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.**

Читатель спотыкается об это незнакомое «правёж» и ему приходится лезть в словари, что само по себе и не плохо. Однако там он узнаёт, что «правёж» – это зыскание с обвиняемого ответчика в пользу истца, которым наказывали на Руси; править в древнерусском языке, значит, «взыскивать». Конечно, «правёж» в контексте народной английской песни, откуда вышел Джон Ячменное Зерно» торчит колом!

То же самое у Капранова затесалось чисто русское словцо «богатырь» (происходящее от татарского «багатур», «батыр»), а нужно бы «рыцарь», «всадник» или «воин», но в строку они никак не ложились. Хотя, по правде говоря, концовка у нашего казанского поэта-переводчика вышла куда залихвастее, ядрёнее, чем у московского мэтра. Ячменный Джон Капранова получился более «джонистый», так и видишь пьяную пирушку в старом бузере (boozer – английская пивная) с постукиванием друг о дружку глиняных кружек и нежной пеной «умирающей» на грубых столах!

**И нет такого силача
да и не будет вновь.
Кипит в бочонках, горяча
стоградусная кровь.**

**Глотнёшь – по горлу
– как огонь
от этого глотка!
И крепче кажется ладонь!
И жизнь – легка-легка!**

72

Поднимая тему литературных переводов, я лишний раз убедился в том, что всё в жизни взаимосвязано, всё переплетено. Не получится у поэта из провинции написать, опубликовать и поставить вокруг себя заборчик. Как только ты вылез со своей публикацией в каком-нибудь журнале или больше того – получил премию, всё, отныне твоё творчество – под прицелом критиков-снайперов. И ты сам – публичное лицо. Начнут разглядывать тебя под увеличительным стеклом, выдёргивать строчки из твоей нетленки, как пёрышки из курицы, язвить... Большинство их них побурчит, дымя папироской на своей кухоньке, или заглянет на какую-нибудь тусовку и там выпустит едкий пар. Но некоторые, как Василёк, всё видящий и неподкупный, обязательно доведут дело до стола редактора, забрызганного кляксами. И тогда уж берегись пиит его жалящих стрел! А если боишься публичной критики, то читай свои вирши своей маменьке, бабушке... Они всегда тебя похвалят.

Корысти ради?

Переводы татарской лирики современными русскоязычными поэтами-любителями – это зачастую обычная перекладка сюжета, дай бог, не исказить смысл, какие уж тут стилевые и языковые тонкости! Нехитрый процесс этот выглядит так: кто-то за небольшой гонорар делает с оригинала подстрочник (обычно этим занимаются сотрудницы местных редакций), затем к работе подключается поэт. Он старается «обтесать углы» и зарифмовать строки. Пытается сохранить поэтические образы, но если его занесёт в сторону и вместо «Казань – котлом бурлила» выйдет «Казань – кипела чайником», то никто не осудит. Это же творчество! Вообще изначально определённая вольница предполагается.

А недавно в меня закралось подозрение, что берутся некоторые казанские поэты-конъюнктурщики за эту работу корысти ради. Они, прикрывшись, как щитом, именами татарских классиков, хотят за счёт государства издать свою книжку, где вначале будут стоять стихи собственного сочинения, ну, а в конце – сикось-накось состряпанные переводы. И вполне можно претендовать на какое-нибудь звание, премию и т. д. Такой ушлый поэт полагает, что один только факт перевода с татарского придаст его книжечке вес, а самому автору значимость в глазах местных литераторов и общественности. А если уж там присутствуют классики татарской литературы, то такие авторы-переводчики возводят премию – будь то Державинская или даже Тукаевская – в главную цель своего «творчества». И на пути к ней они, как чемпионы гигантского слалома, мастерски огибают все флажки и извивы трассы. Имена этих «чемпионов»? Они названы в прошлом номере «КА», повторены в республиканских СМИ, социальных сетях и уж набили оскомину. Хочу лишь заметить на будущее: для всех них всегда найдётся свой Вася или Серый (имею в виду Квасова).

И ещё. Тут вот «Казанский альманах» учредил конкурс и премии для переводчиков, а мне вспомнился некий граф Хвостов, живший во времена Державина.

Этот Хвостов по любому поводу – юбилей ли, свадьба, похороны... – сочинял бездарные поэмы и мучил ими свои жертвы. Кстати, добрейшим человеком был Дмитрий Иванович, честным, отзывчивым, деньги давал на жизнь некоторым литературным журналам. Но поэты по другим качествам судятся. Главная оценка поэта – его стихи. В итоге имя пиита-чиновника неблагодарные потомки превратили в классический символ графоманства. Так вот, предлагаю параллельно с Державинской учредить премию графа Хвостова – отлить статуэтку в виде стихоплёта марающего стишки левой ногой и вручать её ежегодно, торжественно и гласно наипервейшему графоману, рвущемуся к славе!

Творчество или отсебятина?

Интересно, а существуют ли какие-то нормы, которых должен придерживаться переводчик, берясь за работу? Кое-какое знание истории литературы подсказывает мне, что поэты прошлого, такие как Державин и Пушкин, пользовались чужим творчеством, как чашей полной вина. Пригубил, вдохновился и изваял из слов на заданную тему свой шедевр. Хороший пример – «Памятник» Горация. Было множество академических переводов – слово в слово – но кто их помнит теперь? С наших уст готовы сорваться слова вольного пушкинского перевода «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Приступая к литературному переводу авторы ставят перед собой разные задачи: одни к первоисточнику подходят трепетно и с математической точностью считают строки, слова, ритмы; другие, подхватив тему, настроение, улетают в свои дали! И оттуда возвращаются с «отсебятиной» – самостоятельным художественным произведением. Подчеркну, речь не идёт о графоманских «полётах» в курятнике. Мы говорим о журавлях, а им многое дозволяется! Но оказалось, что давно уже существует методика филолога Михаила Гаспарова, который предложил «...простой и грубый, но, думается, для начала достаточно показательный способ измерения точности: подсчёт количества знаменательных слов (существительных, прилагательных, глаголов, наречий), сохранённых, изменённых и опущенных-добавленных в переводе по сравнению с подстрочником».

Соизмерив, таким образом, тот или иной перевод с соответствующим подстрочником, Гаспаров определял «...показатель точности – доля точно воспроизведённых слов от общего числа слов подстрочника; и показатель вольности – доля произвольно добавленных слов от общего числа слов перевода (то и другое – в процентах)», способные, по его мнению, «...характеризовать перевод в целом».

Насколько мне известно, в истории литературоведения был всего один человек, который воспользовался методикой Гаспарова – это поэт Юрий Лифшиц, обративший внимание на несоответствие перевода Пастернака оригиналу Николая Бараташвили «Синий цвет».

«До сих пор никому из русских критиков как-то не приходило в голову сравнить оригинал «Синего цвета» с его переводом, – пишет Лифшиц в своей статье «Между Сциллой и Харибдой». – Причин тому, на мой взгляд, по крайней мере, три. Первая: гениальность пастернаковского текста, к которому и придраться не хочется. Вторая – нежелание профессиональных литературоведов портить себе репутацию критикой отечественного классика. Понять их можно: грузинского языка русские филологи в своём подавляющем большинстве не знают, «Синий цвет» давно переведён, перевод сам по себе является не просто шедевром, но частью русской культуры. Третья причина – возможное отсутствие в архивах Пастернака именно того подстрочника, с которого русский поэт переводил стихотворение

поэта грузинского. Может быть, кому-то это покажется не совсем корректным, но я намерен сделать своего рода опыт: сопоставить перевод Пастернака с чужим (практически дословным) подстрочником».

Юрий Лифшиц провёл большую работу, дотошно сверяя тексты. В отдельных четверостишиях показатель точности показывал 11,1%, а показатель вольности 85,7%. И пришёл к заключению: «Таким образом, к переводу как таковому работа Пастернака не имеет практически никакого отношения. Более того, она является показательной иллюстрацией того, как не следует переводить стихи».

И переводчик предложил свой точнейший перевод стихотворения грузинского поэта:

**В чистый лазурный цвет,
в первоначальный свет,
в синий надмирный тон
с юности я влюблён.**

**Но и когда ушло
крови моей тепло,
не полюблю вовек
цвета иного блеск...**

А теперь напомним для сравнения перевод Бориса Пастернака, самое начало:

**Цвет небесный, синий цвет
Полюбил я с малых лет.
В детстве он мне означал
Синеву иных начал.**

**И теперь, когда достиг
Я вершины дней своих,
В жертву остальным цветам
Голубого не отдам.**

Точность хороша в бухгалтерии, но не в поэзии! От математики в ней только ритм строфы, остальное – от «золотистого порошка», которым месяц посыпает голову поэта.

И трижды прав был Александр Твардовский, сказавший такие золотые слова, после которых мне, Васе безусому (хотя у Твардовского тоже не было усов), нужно просто замолчать в тряпочку: «Я, читатель, допустим, не знаю языка оригинала, но данное произведение на русском языке волнует меня, доставляет мне живую радость, воодушевляет силой поэтического впечатления, и я не могу предположить, что в оригинале это не так, а как-нибудь иначе, я принимаю это как полное соответствие с оригиналом и отношу мою признательность и восхищение к автору оригинала наравне с автором перевода, – они для меня как бы одно лицо. Словом, чем сильнее непосредственное обаяние перевода, тем вернее считать, что перевод этот точен, близок, соответствует оригиналу».

В тряпочку-то в тряпочку, однако, думаю, в следующем номере «КА» Васёк ещё вернётся к литературному переводу и переводчикам. И не он один. Тема-то большая. Да и альманах осенью должен объявить своих победителей-переводчиков одного стихотворения. А там к нам на огонёк, может, и граф Хвостов заглянет...